
Анатолий ВЕНГЕРОВ

Правовой узел современности

Как это ни странно, но интеллектуальная собственность, т. е. собственность на продукты творчества или — шире — на результаты духовного производства (художественные произведения, изобретения, открытия и т. п.), древнее, чем собственность вещная, т. е. собственность на материальные средства и условия существования (землю, орудия труда, предприятия и т. п.). Юноша-абориген из какого-нибудь австралийского клана мог подарить своей возлюбленной, например, сочиненную им песню. И это считалось одним из самых дорогих подарков. А получившая такой дар могла исполнять это произведение как свое собственное.

Тотем — сакрализованное и идеализированное существо-покровитель — также принадлежал какой-либо локальной группе или конкретному члену этой группы, тщательно оберегался от непосвященных. Его защита от непосвященных, или, как сказали бы сейчас, соблюдение конфиденциальности, связывалась подчас с благополучием или даже с самой жизнью. И хотя в тотемной системе этнографы выделяют вполне практичные экологические и иные регулятивные мотивы, несомненно, что отношения к тотему — это весьма древний пласт именно интеллектуальной собственности.

А наскальные рисунки в укромных, труднодоступных уголках некоторых пещер в Пиренеях, которые также использовались локальными группами для обрядов плодородия, магии, охоты, инициации? Но ведь это все верхний палеолит!

Впрочем, удивляться здесь нечему. Творчество человека восходит к самым первым этапам его становления. Уже кремневые отщепы, отлетавшие во время изготовления орудий и напоминавшие по своим очертаниям тех или иных животных и птиц, давали толчок ассоциативному мышлению, способствовали развитию художественного воображения и творчества. И со временем скульптурки мамонта, лошади, медведя, «палеолитические птички», «венеры», а то и изображения Луны — «лунницы», изготовленные из кремня или кости, стали предметами специализированной творческой деятельности.

Вместе с тем надо подчеркнуть: история интеллектуальной собственности пока еще не написана. Не оценено глубокое по своему философскому и правовому смыслу утверждение И.-В. Гете о том, что ученый при некоторых обстоятельствах, увы, может продать и, стало быть, передать в чужую собственность свою душу, свои знания, т. е. нечто нематериальное. Причем иногда покупателем становится и дьявол. Как известно, подобную сделку на неплохой бартерной основе заключил с Мефистофелем доктор Фауст. Все еще юридически не оценено образное выражение А. Пушкина о том,

что «не продается вдохновение, но можно рукопись продать». В рыночной экономике продукт творчества легко превращается в товар. Например, яркая техническая идея, воплощенная в коммерчески выгодном проекте, появляется именно в результате заказа, т. е. хорошо организованного и оплаченного вдохновения.

Можно вспомнить массу иных сюжетов и размышлений, не вплетенных пока в ткань истории интеллектуальной собственности. В нашей же стране тема интеллектуальной собственности и вовсе была погребена под пластом истории собственности вещной, которая марксистскими толкователями общественной жизни объявлялась началом всех начал, всех социальных перемен, ядром пресловутых производственных отношений. Вещной собственности, ее почти детективным социальным приключениям посвящались многочисленные изыскания, рассуждения и прогнозы. Бедная же ее родственница — интеллектуальная собственность — была отгеснена на обочину научных интересов. Главным образом, этим занимались лишь немногие юристы, да и то в основном таинственными для большинства обществоведов авторскими и изобретательскими правами, подчас и не привязывая эти права к их подлинной прародительнице — интеллектуальной собственности.

И вдруг такой экономико-правовой взрыв, настоящий бум: все заинтересовались интеллектуальной собственностью, требуют ее определения, защиты. Вот уже и один из глашатаев и предводителей отечественного предпринимательства К. Боровой восклицает: «Давно в повестке дня стоит вопрос о законе об интеллектуальной собственности — неожиданная совершенно вещь: оказывается, на рынке без него нельзя»¹. Стали создаваться специальные государственные структуры — Российское агентство интеллектуальной собственности при Президенте Российской Федерации.

Словом, феномен интеллектуальной собственности появился в конце 80-х—начале 90-х годов, как вулканический остров, внезапно возникающий и растущий среди океанской шири. Вдруг он стал средоточием множества социальных интересов, тревог и надежд, привлек внимание представителей разных наук. Постепенно завязался в тугую, достаточно запутанный правовой узел, который надо либо развязывать, либо разрубать.

Почему это случилось именно сейчас?

Причин тому много. Прежде всего, конечно, вспоминают о становлении рыночной экономики. Думается, однако, что приоритетная причина связана с изменением самой функции знания и культуры в цивилизации конца XX века. Знание, структурированное по разным направлениям научно-технического прогресса, приобрело в наше время вполне самостоятельное значение, обособленное от непосредственного производства. Получение этого знания, особенно в рамках фундаментальной науки, весьма сложный процесс; оно стало самостоятельной коммерческой ценностью, импульсом развития многих прикладных отраслей производства, подчас неожиданных. Масштабы и перспективы этого процесса необозримы, что приводит некоторых футурологов, например А. Тоффлера, к утверждениям о принципиально новом этапе, качественно новом состоянии всей экономической, социальной и организационной основы современной цивилизации.

То же и с культурой. И как важная цель развития общества, и как составная часть подготовленности современного работника к пониманию происходящего, к умению трудиться в новых условиях она предстает ныне во всем своем многоцветье необходимости и самостоятельности. Художественное творчество, ориентированное на глобальные проблемы научно-тех-

¹«Правда», 23 февраля 1992.

нического развития, искусство в разных сферах и промыслах, в том числе дизайн,— яркие грани культуры, без которых немислимо высокотехнологичное общественное производство.

На эту новую самостоятельную функцию знания и культуры накладываются такие организационные и экономические факторы, как обобществление научного и иного творческого труда, огромные материальные затраты на производство результатов духовного творчества. Только фирма «IBM» в 1990 г. израсходовала на научные исследования и конструкторские разработки 5,2 млрд долларов. Научный труд стал коллективным, но это, конечно, не умаляет роли таланта, лидера, не препятствует свободе творчества ученого, индивида, которая обязательно должна быть обеспечена, в том числе юридически. Вместе с тем коллективизм научного труда (и не только научного) усиливается, идут процессы разделения этого труда. В этих условиях все громче звучат прозаические юридические вопросы — кому же принадлежат результаты творческой деятельности, кто их собственник? От кого, как, в каком объеме, как долго и что надо защищать?

Эти вопросы не только юридического звучания. Они содержат и общечеловеческие экономические, социально-политические, нравственные аспекты. И их адекватное разрешение чрезвычайно важно для нашего общества, ибо нерешенность этих вопросов привела к такому состоянию экономики, при котором ежегодно создаваемые продукты только научно-технической деятельности — так называемая научно-техническая продукция — стоимостью почти в 10 млрд руб. (в старых ценах!) не имели собственников, легко присваивались дельцами самого разного толка. Тот или иной исследователь, уходя в кооператив, уносил с собой знания иногда целого отдела, лаборатории и, используя их, получал несправедливые доходы от внедрения в производство украденных ноу-хау. Только в 1990 г. 12,5 тыс. кооперативов реализовали так называемой научно-технической продукции более чем на 6 млрд рублей.

Стоимость, как известно, создается не в сфере обмена и распределения, а в сфере производства, в том числе духовного производства. И во многом из-за правовой неурегулированности проблем духовного производства именно его продукция, по существу, создавала питательную среду теневой экономике. Здесь кроются и истоки того экономического кризиса, который треплет наше общество до сих пор. Впрочем, убытки от хищений интеллектуальной собственности в разных формах (незаконное тиражирование, видеопиратство, плагиаты и т. п.) и в США достигают многих миллиардов долларов.

Тем более странно, что некоторые просто не понимают этой проблемы. Иначе как объяснить, например, заявление министра науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации В. Салтыкова, что для расцвета малого научного бизнеса «можно закрыть глаза на воровство интеллектуальной госсобственности. Ведь она остается на нашей территории»². И это говорится о столь тонких творческих отношениях! Да и вообще, воровать нехорошо. Учили, вроде, в детстве.

Установление четкого правопорядка в производстве, распределении и потреблении объектов интеллектуальной собственности — это, по существу, доведение до юридических формулировок требований нового, еще формирующегося класса нашего общества, так называемого «среднего» класса: интеллигенции, предпринимателей, фермеров, квалифицированных рабочих, управленцев. Интеллектуальная собственность, как в свое время частная или государственная собственность, является той идеей, которая способна в современных условиях выполнить интегрирующую социальную роль,

² «Известия», 8 января 1992.

способствовать формированию класса интеллектуальных собственников, способных дать импульс дальнейшему социальному прогрессу!

Ну и, конечно, рынок! В централизованной планово-распределительной экономической системе результаты научно-технического труда главным образом принадлежали государству в разных его ипостасях (министерства, институты, предприятия). Изобретатели получали, как правило, авторские свидетельства, а исключительное право на использование изобретений, удостоверенное патентом, отбирало себе государство. Это было одной из распространенных форм эксплуатации работников творческого труда. Прикрывалось такое положение демагогией, что социализм, мол, предполагает бесплатное распространение научно-технических достижений, что эти достижения принадлежат всему обществу. Многие нормативные акты отражали такие идеологию и практику. Например, в постановлении Совета Министров СССР «О повышении экономической заинтересованности предприятий и организаций в передаче своих научно-технических достижений и в использовании заимствованного передового опыта» от 27 августа 1970 г. было установлено, что организации производят такую передачу без специального поощрения. Словом, отдавали даром!

Засекречивание большинства крупных изобретений стало еще одной из форм присвоения государством объектов интеллектуальной собственности. Слабым утешением для многих разработчиков, своеобразной компенсацией были жестко формализованные Государственные (ранее Сталинские) и Ленинские премии.

В сфере культуры использовались несколько иные, но тоже достаточно эффективные юридические способы для ограбления творческих работников. Можно вспомнить и нищенские гонорары, установленные типовыми издательскими договорами, и огромные удержания из сумм зарубежных заработков (до 70%), которые забирало на разные, весьма несправедные цели так называемое Всесоюзное агентство по авторским правам (ВААП).

Рыночная экономика требует совершенно иных, адекватных ей правовых форм охраны интеллектуальной собственности. И хотя правовые возможности и в этой сфере не безграничны, только они могут хоть как-то ответить на специфические рыночные запросы. Главный из них состоит в том, что покупатель объекта интеллектуальной собственности должен быть уверен, что покупает их у собственников, что никто не оспорит принадлежность этого объекта и, следовательно, не заявит претензии на доход от использования изобретения. А для обладателя патента монополия на использование его изобретения в производстве также является весьма эффективным способом получения заслуженного дохода. Только при официально зарегистрированном признании интеллектуальным собственником изобретатель может экономически выгодно распорядиться своим техническим детищем. В определенности отношений заинтересованы и заказчик разработки, и институт, предоставивший по заказу (контракту) условия для ее проведения, и многочисленные ныне специализированные инновационные фирмы, общества, компании и т. д. Вот почему К. Боровой действительно прав: без определенности и стабильности с интеллектуальной собственностью современный цивилизованный рынок создать невозможно. Опыт стран с рыночной экономикой доказывает это очень хорошо.

Расширяющийся спектр объектов интеллектуальной собственности также постоянно разворачивает рынок именно к ним. Программы для ЭВМ, новые биотехнологические объекты, интегральные схемы, рецептуры и многое другое становятся неотъемлемыми составными частями товаров самого разного профиля. И собственность этих составных частей, как бы специфична она ни была, также должна стать священной и неприкосновенной.

Наконец, с превращением продуктов интеллектуальной деятельности в

товары у их создателей появляется возможность получать не только вознаграждение (гонорары, зарплату, премии), но и часть доходов от использования изобретения, ноу-хау, иного творческого товара. Право создателя на специально оговариваемую в соглашениях часть дохода, который в целом получают фирма, предприятие, институт, стало называться «роялти». С роялти связано долгожданное определение реальной ценности творческого труда, рост достатков интеллигенции. Весь этот процесс ведет к утверждению приоритета творческого труда, над иными его формами, открывает пути к утверждению подлинного места интеллигента в общественном производстве.

И так важно, чтобы эта ключевая социально-политическая и экономическая проблема была правильно понята. Ибо в противном случае под угрозой оказывается весь комплекс экономических реформ, которые сводятся к изменениям в сфере распределения, а не производства, вся наука и культура.

Юридические парадоксы

Однако, когда законодатель начинает переводить на юридический язык норм и предписаний эти, казалось бы, вполне ясные социально-политические и экономические требования, возникают проблемы уже правового свойства. Среди них я бы выделил несколько основных. Это проблемы определения интеллектуальной собственности и содержания права интеллектуальной собственности, проблемы определения собственника и защиты его права интеллектуальной собственности, ряд законодательных проблем.

Еще некоторое время тому назад во всех энциклопедических юридических словарях можно было прочесть, что интеллектуальная собственность — это всего лишь условный, собирательный термин. Но вот этот термин появился в законодательстве, например в Законе Российской Федерации «О собственности в РСФСР» от 24 декабря 1990 г., где речь уже пошла о вполне безусловном понимании интеллектуальной собственности, об ее объектах. Значит, возникла вполне реальная задача определения, причем именно юридического (а не, скажем, политологического или социологического), этой самой интеллектуальной собственности.

Такое определение, как оказалось, имеется в Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности (ВОИС), подписанной, в том числе и нашим государством, в Стокгольме 14 июля 1967 года. Там указано, что интеллектуальная собственность включает права, относящиеся к литературным, художественным и научным произведениям; исполнительской деятельности артистов, звукозаписи, радио и телевизионным передачам; изобретениям во всех областях человеческой деятельности; научным открытиям; промышленным образцам; товарным знакам, знакам обслуживания, фирменным наименованиям и коммерческим обозначениям; защите против недобросовестной конкуренции. Кроме того, Конвенция фиксирует также «все другие права, относящиеся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях».

Таким образом, интеллектуальная собственность — это *главным образом права, это собственность на права*. Вот первое, что не так-то просто усвоить общественному сознанию. Еще в античном мире и в Византии юристы пытались различать вещи телесные и бестелесные: «Телесные вещи — те, которые могут быть осязаемы... Бестелесные вещи — те, которые не могут быть осязаемы; таковы те вещи, которые состоят из права, являются правами»³.

³ «Дигесты Юстиниана». М., 1984, с 39.

Но определение интеллектуальной собственности, данное в Конвенции, разделило юристов на сторонников узкого и широкого подходов. С точки зрения одних, перечень, данный в Конвенции, является исчерпывающим. По мнению других, перечень этот не закрыт ни в части прав (в Конвенции упоминаются «все другие права»), ни в части объектов интеллектуальной собственности (упоминается «интеллектуальная деятельность в производственной, научной, литературной, художественной областях»).

Это вовсе не схоластический спор. По крайней мере, когда летом 1991 г. был подготовлен и рассматривался в Верховном Совете СССР проект законодательного акта «О научной интеллектуальной собственности и усилении ее охраны», имеющий целью установить правопорядок в деле создания и использования результатов научно-исследовательских, проектных, изыскательских, опытно-конструкторских и опытно-технологических работ, один из «окопов», которые занимали его оппоненты, как раз и проходил по линии «этого нет в Конвенции»! Ссылки сторонников законопроекта на то, что не все результаты исследований и разработок патентуются, т. е. являются изобретениями, не все защищаются авторским правом (это право защищает только форму произведения!), не убеждали оппонентов. Не убеждали их и ссылки на последний абзац Конвенции, где говорится и о «других правах», относящихся к интеллектуальной деятельности в научной области.

Как известно, спор этот закончить не удалось, так как «гол» забивать стало некуда, «футбольные ворота» внезапно исчезли, Верховный Совет СССР после августа 1991 г. дематериализовался — случай беспрецедентный в законодательной практике человечества. Но проблема осталась. По-прежнему интеллектуальная собственность, не подпадающая под действие авторского или изобретательского (патентного) права, не защищается, так как не получила в законе своего определения. И по-прежнему этим пользуются различные дельцы от коммерции.

Не менее важна и проблема содержания права интеллектуальной собственности. Действительно, что общего между пританцовывающим сочинителем и исполнителем рок-музыки, увлеченным в своих ночных бдениях хаккером-программистом, четким, собранным белохалатным лабораторным работником — создателем искусственных генов, разрывающимся между пресс-конференциями журналистом, обивающим бюрократические пороги изобретателем, автором настоящей статьи? Юридическая доктрина и законодательство отвечают: каждый из них имеет исключительное право на созданный им результат интеллектуальной деятельности. Получил или создал результат и одновременно стал носителем, обладателем исключительного права интеллектуальной собственности.

Исключительным это право является потому, что принадлежит именно автору, разработчику, изобретателю, создателю, короче, творцу. Только ему — и никому другому! И состоит оно из ряда правомочий: более конкретных прав, своеобразных юридических атомов большой молекулы — исключительного права интеллектуальной собственности. Это правомочия на авторство, на опубликование, воспроизведение, распространение своего произведения тем или иным способом, под своим именем, под псевдонимом, анонимно, на получение вознаграждения, на разрешение (лицензию) иным лицам пользоваться некоторыми правомочиями (например, издательству публиковать художественное произведение, предприятию — использовать изобретение), на неприкосновенность произведения, недопустимость его тиражирования без разрешения автора, на получение доли дохода и т. д. В разных комбинациях эти исключительные правомочия образуют либо авторское, либо изобретательское (патентное) право, либо иное право интеллектуальной собственности.

Конструкция исключительного права понадобилась человечеству, чтобы отличить специфику собственности на результаты интеллектуальной дея-

тельности (знания, идеи, формулы, ноу-хау и т. д.) от собственности на материальные объекты. Например, при продаже материального объекта один собственник расстается со своим правом собственности и, как правило, с самим объектом, передает и то и другое новому собственнику, который получает этот объект в свое владение, пользование и распоряжение. Право первого собственника не было исключительным и перешло ко второму.

Иное дело при передаче от одного лица другому объекта интеллектуальной собственности, например песни от композитора исполнителю. И право авторства, и сам объект — песня — остались у композитора, хотя и произошла передача ее исполнителю. Этот эффект «размножения» объекта интеллектуальной собственности объективно вытекает из природы и отличия материального объекта от духовного.

Вот почему содержание права вещной собственности стали определять как сумму правомочий владеть, пользоваться и распоряжаться, а права интеллектуальной собственности — как сумму правомочий на авторство, имя, распространение, вознаграждение и т. д. И, по мнению ряда юристов, страшный грех совершают те, кто смешивает эти два вида собственности. Недавно один из них даже назидательно выговаривал законодателю Молдовы, который в ст. 12 Закона Молдовы о собственности от 23 января 1991 г. записал, что частной собственностью являются имущество, а также «продукты интеллектуальной деятельности, принадлежащие гражданину как физическому лицу на правах владения, пользования и распоряжения»^{*}.

Но не все в этом различии содержания права вещной и интеллектуальной собственности так просто. Да, в интеллектуальной собственности надо различать сами знания, идеи, информацию и их носителя, т. е. те объекты, на которых фиксируются знания, идеи, информация. Например, художественный образ, рисунок и лист бумаги или холст, на котором он исполнен, программа для ЭВМ и дискета, на которой она фиксируется, изобретение, т. е. некоторое новое техническое решение, и чертеж, и т. д. Понятно, что и стоимость самого результата интеллектуальной деятельности и носителя (холста, бумаги, магнитного диска) различны. На носитель и сами знания, на идеи, информацию могут распространяться разные по содержанию права — вещной или интеллектуальной собственности. И вместе с тем...

Как быть, например, в случае, когда знание, идея, формула только и могут существовать, быть объективированными в единстве со своим носителем. Например, промышленный образец, конструкторская документация, физическая модель, программа для ЭВМ в виде технического устройства, штамм, искусственный ген и т. п.? В этом единстве с носителем в своем объективированном качестве объекты интеллектуальной собственности могут выступать и объектами вещной собственности. Например, промышленным образцом можно владеть, пользоваться, распоряжаться.

В этом единстве информации (знания, данных, формул, идей) и носителя заключается возможность дополнения исключительных прав правомочиями вещной собственности. Эти правомочия могут выступать субсидиарными правами. И во многих современных договорах, соглашениях, касающихся интеллектуальной собственности, записываются эти дополнительные права на объекты интеллектуальной собственности (иными словами, используются «все другие права» из формулировки Конвенции). Но там, где информация, знания, идеи фиксируются на различных носителях, где они, как говорится, инвариантны своему носителю (например, та же песня может существовать как нотная запись, пластинка, кассета), как правило, работает лишь конструкция исключительных прав. Понятно,

⁴ «Советское государство и право», 1992, № 1, с. 3.

что это также не схоластическая проблема, поскольку с тем или иным набором правомочий связаны доходы и иные социальные блага конкретных людей, организаций и т. п.

Следующая проблема — определение интеллектуального собственника, т. е. субъекта права интеллектуальной собственности. Может ли быть собственником результата интеллектуальной деятельности, например какой-либо конструкторской разработки, не сам ее создатель, не разработчик как физическое лицо, а институт, конструкторское бюро или завод, где трудился непосредственный создатель? В особенности, если такая разработка появилась как результат конкретного служебного задания? Может ли быть таким собственником министерство, сделавшее соответствующий заказ и профинансировавшее опытно-конструкторские работы? Или концерн, консорциум? Или даже государство?

Вот одна лишь конкретная юридическая драма, рожденная как правовой неурегулированностью, так и недостаточной правовой культурой ее участников. Молодой талантливый сотрудник одного отечественного НИИ был командирован на работу в некий германский институт. Там его приняли на специальную стипендию, но и в НИИ он сохранял часть зарплаты. Работая в Германии, он принял участие в разработке оригинального прибора, и когда оформлялся патент на него, был включен в число разработчиков. Однако бывший научный руководитель этого молодого ученого заявил о несогласии с таким решением и стал требовать своего включения в число разработчиков прибора, поскольку, де, сотрудник использовал знания, приобретенные под его руководством во время работы в нашем НИИ. Разумеется, ни в НИИ, ни в германском институте какие-либо соглашения с сотрудником о праве интеллектуальной собственности на его разработки не заключались. Сотрудник о такой возможности не знал, а НИИ или научный руководитель об этом также не позаботились.

Кто же тут прав? Чьи права должны быть защищены? Разумеется, в этой конкретной ситуации молодой ученый и германский институт. Однако у отечественного НИИ была возможность в специальном соглашении с сотрудником иначе решить вопрос о праве интеллектуальной собственности. Ныне законодательство устанавливает, что при наличии соответствующего договора между работодателем и работником патент на изобретение, созданное работником, выдается работодателю (ст. 4, пункт 2 Закона об изобретениях в СССР). Но это правило действует только для изобретений, создаваемых в результате решения конкретных задач в соответствии с выдаваемым работнику заданием. Об этом говорит и ст. 146 Основ гражданского законодательства СССР. Предполагается, что Патентный закон Российской Федерации будет решать эту проблему аналогичным образом.

Словом, если между работодателем и работником заключается договор, т. е. реализуется добрая воля работника, право интеллектуальной собственности может принадлежать юридическому лицу — институту, консорциуму, акционерному обществу и т. д. В иных интеллектуальных сферах положение аналогично. Если между работодателем и автором заключается договор об уступке прав на будущие результаты, интеллектуальным собственником становится работодатель» Словом, торжествует принцип: «кто платит, тот и заказывает музыку».

И понять эту новую тенденцию законодательных решений не трудно. Здесь правит бал рынок! Исследования и разработки стоят очень дорого. Тот, кто их финансирует, хочет иметь гарантии своих прав. Но и самому ученому нередко выгодно именно такое решение проблемы: организовывать инновационный процесс, пробиваться на рынок весьма сложно. Для этого требуются специальные знания, необходим венчурный капитал. Вот пусть этим и занимаются специализированные лица или даже организации, но

долю дохода они должны гарантировать и самому ученому. Самозабвенно работающий ученый вовсе не специалист по реализации на рынке своих достижений. Подчас он и не хочет этим заниматься. Вот почему новые законодательные решения и появление многочисленных инновационных организаций — объективно необходимый процесс.

Но с рынком, с роялти оказывается связанной еще одна каверзная проблема интеллектуальной собственности — определение ее стоимости. В законодательстве о хозяйственных обществах и товариществах появились нормы, разрешающие в качестве вклада учредителя передавать в уставной фонд различные имущественные права (патенты, лицензии), а также ноу-хау и иные объекты интеллектуальной собственности. Как оценить эти интеллектуальные вклады? Сколько стоит, например, знание о тех или иных технологиях, способах производства различных новшеств в промышленности, сельском хозяйстве, медицине, транспорте и т. п.?

Существующие бухгалтерские методики в этой сфере не всегда применимы. Рынок также не всегда дает ответы. Значит, договоры? Практика пошла по этому пути, создавая иногда весьма комические ситуации. Не так давно стало известно о создании одного из акционерных обществ в военно-промышленной сфере, включившего Центр космической связи, «Вну-ково-3» и ряд других военно-промышленных объектов с формальной стоимостью в сотни миллионов рублей. Его учредителями стали также 14 физических лиц — крупных деятелей военно-промышленного комплекса, чей интеллектуальный вклад был оценен также во много миллионов рублей⁵. Иными словами, под интеллектуальной собственностью стали понимать не сумму исключительных имущественных прав, а самого человека с его знаниями. И оценили себя эти деятели весьма и весьма дорого. Словом, был найден еще один эlegantный путь перемещения номенклатуры из сферы государственной собственности в сферу частной собственности, открывающий широкие горизонты. Учредителям ведь полагается большая доля прибыли на их вклады. Но и прокуратуре — а туда было передано это дело — не позавидуешь: в спорах, сколько стоит интеллектуальная собственность, пока что нет твердых критериев!

Еще одна проблема — защита интеллектуальной собственности. Различные способы медленно, но верно пробивают себе дорогу. В сфере авторского права начинает работать принцип, запрещающий без согласия автора тиражирование его произведений (так называемый «копирайт»). Он особенно важен в условиях, когда появилась всевозможная копирующая, воспроизводящая техника (ксероксы, видеосистемы, кассеты и т. п.). Зачем покупать книги, журналы, если можно необходимые материалы просто скопировать? Особенно это касается программ для ЭВМ. В таких условиях в законодательстве появляются соответствующие ограничения на копирование, тиражирование. Иначе авторы, разработчики программ для ЭВМ, издательства, фирмы несли бы громадные убытки. Да и несут, несмотря на законодательные ограничения: чего стоит, например, видеопиратство! Здесь, конечно, пока очень ненадежны и весьма трудны способы контроля, защиты права интеллектуальной собственности.

Плагиат, перепечатки и даже издания без согласия автора, первого издателя — все это, увы, будни существования интеллектуальной собственности. Но такие правонарушения должны строго наказываться. Становление в стране частной собственности будет невозможным без воспитания уважения к чужой собственности, в том числе и к интеллектуальной.

Некоторые в этой связи ратуют за всеобъемлющую регистрацию объектов интеллектуальной собственности, создание реестров. В отношении некоторых объектов интеллектуальной собственности это становится возможным, хотя

⁵ См. «Известия», 28 февраля 1992.

и трудным делом, но в отношении других — пока, кажется, просто невыполнимым. Впрочем, возможно, созданное Российское агентство интеллектуальной собственности сможет решить эту проблему.

Еще один путь защиты интеллектуальной собственности от недобросовестной конкуренции, хищений — законодательное или договорное обеспечение конфиденциальности в части разных ноу-хау и т. п., сохранения коммерческих и иных секретов. В законодательных актах некоторых стран устанавливается, что даже работник, оставивший работу в фирме, исследовательском центре и перешедший на работу в другую фирму, на другое предприятие, не имеет права в течение нескольких лет работы на новом месте разглашать данные, ставшие ему известными на прежней работе. Иначе — возмещение убытков, штраф и даже уголовное наказание.

На защиту права интеллектуальной собственности, так же как и на решение многих вопросов в этой сфере, хорошо может работать договорная форма упорядочения интеллектуальных отношений, в том числе договорная ответственность. В договоре (контракте) с работниками, организацией можно и должно оговаривать все вопросы защиты права интеллектуальной собственности. Здесь, кроме возмещения ущерба (убытков, упущенной выгоды), следовало бы широко использовать имущественное возмещение морального вреда, который причиняется творцу в результате различных правонарушений — от плагиата до вульгарного хищения объектов интеллектуальной собственности.

Напомню, что у нас сама постановка вопроса об имущественном возмещении морального вреда длительное время считалась несовместимой с природой социализма. Разве в идущем к безденежной, бестоварной экономике социалистическом обществе можно говорить об имущественной оценке доброго имени, чести и достоинства человека? — именно так ставился вопрос. Но постепенно лед отрицания стал таять, в некоторых законодательных актах такие нормы появились. И теперь дело лишь за тем, чтобы использовать мощный правовой пресс для выжимания за пределы социального уважения и имущественных отношений всяких охотников до чужой интеллектуальной собственности.

Законодательное обеспечение интеллектуальной собственности

Эта проблема формулируется некоторыми учеными и практиками таким образом: «Нужен закон об интеллектуальной собственности и ее защите». Конечно, у нас имеется определенное законодательство, регулирующее отношения в некоторых сферах интеллектуальной собственности. Всегда в гражданском кодексе РСФСР были нормы об авторском, изобретательском праве. Пусть эти нормы были недостаточные, но они были. Сейчас законодательство пополнилось Законом «Об изобретениях в СССР», законами о промышленных образцах, товарных знаках и знаках обслуживания, Основами гражданского законодательства СССР. Эти законодательные акты, поскольку они не противоречат Конституции РСФСР, другим ее законам! действуют на территории Российской Федерации. Готовятся специальные законы и в самой Российской Федерации - Патентный закон и некоторые другие.

Но важно, чтобы и старые законодательные акты, и проектируемые новые законы решали те реальные проблемы, о которых шла речь выше, да и не только их. Нужно основательное обновление Гражданского кодекса республики, особенно в части авторского права и сопутствующих ему прав. Возможно, следовало бы принять специальный закон об авторском праве как это сделано в других странах, например в Испании. Необходимы

законодательные акты о программах для ЭВМ, о базах данных, поскольку не все вопросы их создания и использования могут быть разрешены в рамках авторского права. По-прежнему требуются законодательные акты о том, что называлось научной интеллектуальной собственностью, т. е. о собственности на результаты научно-исследовательских, проектных, изыскательских, опытно-конструкторских и опытно-технологических работ, не подпадающих под действие авторского или патентного права.

Словом, следовало бы идти путем постепенного накопления законодательных актов, регулирующих различные сферы интеллектуальной собственности, и лишь будущее покажет — удастся ли создать единый всеобъемлющий законодательный акт об интеллектуальной собственности и будет ли в нем социальная нужда. Однако то, что надо уже сейчас, не откладывая ни на день, упорядочить отношения в сфере интеллектуальной собственности и ее защиты — аксиома.

© А. Венгеров, 1992

Из почты «ОНС»

Начало смотри на с. 22.

Исторический опыт показал, что большевики в мусульманских республиках никогда не имели влияния на умы людей; компартии и идеология марксизма были навязаны извне, поэтому после победы демократической революции в СССР и падения диктатуры КПСС коммунисты на Востоке уйдут в политическое небытие или, в лучшем случае, останутся в виде экзотических сект. По-видимому, наши официальные ученые не разобрались в историческом феномене «национального коммунизма». Это естественно, так как проблема «национального коммунизма» по известным причинам у нас не исследовалась. Хотелось бы несколько подробнее остановиться на вопросе о корнях неудачи коммунистического движения в мусульманских странах Ближнего и Среднего Востока.

Большевики и Восток

Большевистская партия в России, затем и Коминтерн, рассматривая страны Востока лишь как отсталые колониальные и полуколониальные территории, стремились распространить там коммунистическое движение, которое развивалось тогда в самих метрополиях подозрительно малоуспешно, «помочь» азиатским революционерам «вводить» социализм (в то время говорили «коммунизм») по всем канонам мировой пролетарской революции. Ленин и Коминтерн обязывали коммунистов стран Востока поддерживать буржуазно-демократическое освободительное движение и в этих целях сотрудничать с антиимпериалистическими национальными партиями буржуазии, на деле оказывать «помощь революционной борьбе и восстаниям в колониях»³. Ленин не отрицал возможности победы социализма не только в высокоразвитом, но и в среднеразвитом или даже в отсталом обществе при помощи, естественно, победившего пролетариата более развитых стран. *Продолжение смотри с. 54.*

³ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 41, с. 438.